

Елена Иванова

ПОСЛЕ ВЫБОРА

роман в рассказах

Елена Иванова

После выбора.

Роман в рассказах.

<https://litres.ru/74265547>

SelfPub; 2026

Аннотация

Она всю жизнь считала, что выбирала сама. Профессию. Мужчину. Семью. Работу. Остаться или уйти.

Но однажды, уже после шестидесяти, Елена приходит с мужем в МФЦ подавать на развод — и не встаёт, когда на табло загорается их номер. Почему?

«После выбора» — роман в рассказах о женщине, которая умела любить, терпеть, заботиться и спасать всех, кроме себя, — и о том, как самые важные решения её жизни рождались не из свободы, а из страха потерять любовь, безопасность и право быть нужной.

Это история не о том, как начать всё заново, а о том, как впервые понять: чего хочешь именно ты.

#Психологическаяпроза

#Семейныеотношения

#Отношенияродителейидетей

#Самопознание

#Превратностиисудьбы

Содержание

Глава 1. Окно семь	4
Глава 2. Меланхолия	8
Глава 3. Географ	14
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Елена Иванова

После выбора.

Роман в рассказах.

Глава 1. Окно семь

В зале МФЦ пахло тёплым линолеумом и кофе из автомата — тем кофе, который наливают от скуки и не допивают. На табло горело А-216. На их талоне стояло А-241.

Они сидели рядом, немного отодвинувшись друг от друга, как сидят в очереди чужие люди.

Елена держала на коленях прозрачную папку: два паспорта, свидетельство о браке, квитанции об оплаченной пошлине, сложенные ровно пополам. Голубые джинсы подчёркивали почти девичью худобу, но на тыльной стороне ладоней уже проступили тонкие жилки. Она подняла карие глаза и снова опустила их к папке. За окном стояла ранняя осень, та печальная пора прощания с летом, когда листья срываются с веток целыми пригоршнями и с сухим стуком бьются в стекло, будто просят обратно в тепло.

— Паспорт взяла? — спросил он.

— Да.

— Свидетельство?

— Да.

Больше говорить было не о чем. Почти пятнадцать лет — и не о чем.

Александр Петрович даже сидя держал выправку: узкий, худощавый, с загорелым лицом, покрытым морщинами, как трещинами в сухой земле. На нём был синий костюм, покроем похожий на военную форму, голубая рубашка и галстук, который они когда-то выбирали вместе, и шляпа, которую он не снял даже здесь, в казённом зале, будто она была частью той же формы. Он достал телефон, открыл новости. Привычное движение большого пальца снизу вверх, снизу вверх. Лицо разгладилось: ему было хорошо там, где не нужно было ничего чувствовать.

Напротив сидела молодая пара. Девушка положила голову спутнику на плечо, а он держал её ладонь и большим пальцем гладил костяшки. Просто так. Ни за что.

«Когда мы перестали быть как они?» — подумала Елена и не вспомнила даты.

Она поймала себя на том, что крутит на пальце обручальное кольцо — туда-сюда, туда-сюда, — но не остановилась. И отвернулась к окну.

Через дорогу белела стена, высокая, в зубах, с башнями под тёмными шатрами. Новодевичий монастырь. В толще стены темнели узкие окна келий. В одной из них когда-то жила царевна Софья, запертая младшим братом, который, когда вырос наконец оказался сильнее её.

Елена достала телефон и открыла давно отложенный выпуск подкаста, тот, что сохранила когда-то, да так и не собралась послушать: «Как братья и сёстры определяют наши взрослые отношения». Вставила один наушник просто чтобы не сидеть в этой громкой тишине, где звучат только вызовы да ползут цифры на табло.

— Младший ребёнок, выросший под властью старшего, — говорил ровный женский голос, — иногда всю жизнь путает близость с подчинением.

Елена посмотрела на мужа. Он листал новости. Он не слышал. Он давно не слышал её, и это было их главное семейное умение: находиться рядом и ни разу не пересечься.

Она вспомнила, как он рассказывал когда то ей о своём детстве. Ему три, сестре четыре — всего год разницы, но она выше на целую голову. Колючий ковёр в красных ромбах. Он складывает из кубиков башню, по одному, а сестра одним движением сметает всё и забирает верхний кубик себе. Он тянется — она бьёт его по руке. Он бежит к матери. Мать на кухне, ей не до них. «Разбирайтесь сами», — говорит она, не оборачиваясь.

Много лет спустя он рассказал Елене, как однажды, уже подростком, перехватил руку сестры за запястье и сказал: «Хватит», и она впервые посмотрела на него снизу вверх и отступила. Елена всегда слышала в этой истории победу. Только сейчас, в зале с ползущими цифрами, услышала страх.

Из динамика прозвучало:

— А-241. Окно семь.

Елена свернула провод наушника и накрыла руку мужа — тяжёлую, в коричневых пятнышках, руку немолодого человека. Он вздрогнул, словно она прикоснулась к нему впервые.

Она спросила тихо, всё ещё глядя за окно:

— Скажи... когда сестра тебя била, тебе было страшно?

Он молчал так долго, что она уже хотела убрать руку.

— Очень, — сказал он.

И Елена не убрала.

Где-то капал кофейный автомат. За окном летели и бились в стекло листья. Молодая пара напротив всё держалась за руки. А-241 погас. На табло появился следующий номер.

В дверях показалась сотрудница:

— По талону А-241 есть кто-нибудь?

Александр Петрович посмотрел на Елену. Она — на него.

Они не встали.

Прозрачная папка с двумя паспортами и свидетельством о браке так и осталась у неё на коленях.

Глава 2. Меланхолия

До окна семь Елена шла полвека. Всё началось с одного слова.

Она сказала его в пятом классе, у вешалок, наматывая на руку шарф. Устала, серое небо за окном, домой не хотелось. «У меня меланхолия», — сказала она девочке из своего класса. Сказала просто так, для себя: слово нашлось где-то в книге, показалось точным, как ключ к замку, и легло на то, чему у неё до сих пор не было названия. Девочка ничего не ответила, только посмотрела странно и передала слово дальше.

Классные часы Дина Петровна вела по средам. Садилась прямо, руки на парту, и разбирали поведение — по очереди, по той форме, которой их выучили: «Я считаю, что...» В ту среду разбирали Елену.

— Я считаю, что Лена задаётся, — говорил голос с соседнего ряда.

— Я считаю, что Лена говорит непонятными словами, — подхватывал другой.

— Думает, что умнее всех, — добавлял третий, не начиная с «я считаю», но никто не поправил.

Елена сидела за своей партой у окна, сложив руки, как велели, и смотрела невидящими глазами на чернильное пятно на крышке, чтобы не смотреть на лица.

— Меланхолия, — повторила Дина Петровна и обвела

класс взглядом, приглашая улыбнуться. Класс улыбнулся, зашептался. — Скажи проще, Лена. Настроения нет — вот и весь сказ. Зачем нам твоя меланхолия?

Елена молчала. Молчание тоже сочли высокомерием.

Свой приговор Дина Петровна вынесла спокойно, без злости, и оттого он вошёл глубже, чем вошёл бы крик. Коллектив, сказала она, не любит, когда кто-то выставляется. Будешь выставляться — коллектив отвернётся, объявит бойкот. Никто тебе не враг, Лена. Мы тебе добра хотим. Просто не выделяйся.

Елена не заплакала. Это она умела с семи лет — не заплакать вовремя, а заплакать потом, дома, в ванной, пустив воду, чтобы за её шумом не было слышно всхлипов.

Придя домой, она привычно легла на свой неудобный диван, сжалась в комок и отвернулась к стене, думая об этом суде. Тогда она решила сделать ровно то, чего от неё хотели: убрать странное слово из речи, которая была «для всех». Спрятать, как прячут вещь, за которую могут наказать. На завтра, когда снова было серо и ничего не хотелось, она сказала однокласснице: «Настроения нет». И никто не посмотрел на неё странно.

Дома, вечером она рассказала матери про классный час, не жалуясь, просто чтобы кто-то заступился. Мать выслушала, не отрываясь от кастрюли, и сказала:

— Не надо выделяться. Дина Петровна права.

Слово «меланхолия» Елена не выбросила совсем. У неё в

ящике стола, под общей тетрадь по алгебре, лежал небольшой красный блокнот в твёрдой обложке — подарок бабушки Милы. Туда Елена переписывала полюбившиеся строчки и иногда, стесняясь себя самой, придумывала свои. Туда же убрала и это слово, как убирают под замок то, что нельзя показывать. Она запомнила его навсегда именно потому, что его у неё отняли.

* * *

К выпускному классу слово «меланхолия» почти перестало всплывать в её обычной речи. Зато на выпускном сочинении оно вернулось само — Елена писала о «Евгении Онегине», о том, как Татьяна вырастет через отказ, и рука шла легко, будто кто-то диктовал изнутри. Комиссия поставила высший балл.

— Иванова — пять, — объявила Дина Петровна и задержала на Елене взгляд, в котором было почти материнское тепло. — Вот что значит работать над собой.

Позже, проходя мимо учительской, Елена услышала через приоткрытую дверь её же голос:

— Я эту девочку пять лет вытягивала. Способная, только характер был непростой — всё выделиться старалась.

Елена прошла мимо, не останавливаясь. В её школьном портфеле лежал тот самый красный блокнот, который ей никогда не хотелось показывать Дине Петровне.

* * *

Тем же летом на кухонном столе легли рядом два листа

— программы вступительных экзаменов в МГУ. Елена сама положила туда программу филологического факультета, тайком гордясь тем, что в семнадцать лет уже видит свой путь.

Мать посмотрела на эту программу почти без интереса, как смотрят на письмо, адресованное не тебе, и положила сверху другую, экономического.

— Тут хотя бы будет на что жить, — сказала она. — Из стихов суп не сваришь. Отец твой тоже думал, что можно прожить на одной науке, за которую и платят-то копейки.

Отец ушёл от них два года назад, к своей аспирантке, и с тех пор виделся с дочерью редко. В те несколько встреч на Пушкинской, сидя на лавочке, он смотрел под ноги и тихо спрашивал, как учёба и какие у неё планы; он хотел, чтобы Елена пошла в физику, стала, как он, кандидатом физических наук. Она любила его и остро пережила уход — так остро, что где-то внутри навсегда осталась догадка: может быть, он ушёл из-за неё? Может, она была слишком громкой, слишком заметной, мешала ему по ночам, когда под кухонной дверью светила полоска и слышались его раздумчивые шаги. Спросить об этом отца она так и не решилась.

Спорить с матерью тогда она не стала. У неё вообще редко получалось спорить с родителями вслух: нужные слова находились только потом, наедине с собой, с опозданием на сутки.

Через несколько дней она несла документы в приёмную комиссию. В сумке лежали обе программы. На той, филоло-

гической, возле списка литературы, стояли её карандашные галочки: она давно отметила всё, что уже прочла. Экономическая программа была абсолютно чистой, без единой её пометки.

На развилке дороги Елена остановилась. На одном указателе значился гуманитарный корпус, на другом — экономический факультет, куда тянулся поток абитуриентов со строгими папками в руках. Она достала обе программы и несколько секунд переводила взгляд с одного указателя на другой.

Потом сложила филологическую вчетверо, убрала в сумку и пошла направо.

Много лет Елена будет говорить себе: «Я сама выбрала экономический». И это не будет ложью. Но и полной правдой — тоже. Она просто не заметила момента, когда решение матери стало неотличимо от её собственного.

Сложенную программу филологического факультета она так и не выбросила. Убрала в тот же красный блокнот, где уже лежали «меланхолия» и переписанные стихи. Иногда, когда в комнате общежития затихали три соседки, Елена доставала его и переводила пару куплетов французской песни — той, что отзывалась в ней высокой тянущей нотой. После этого засыпала спокойно, будто что-то глубоко спрятанное в ней наконец нашло выход, а утром снова шла на лекции по экономической статистике.

* * *

Однажды после занятий, когда она поднималась по лестнице общежития, сверху что-то гулко застучало по ступеням и остановилось у самых её ног.

Это был картонный тубус.

— Не наступите! — крикнул сверху мужской голос.

Глава 3. Географ

По лестнице кубарем скатился взъерошенный парень — кудрявый, светловолосый, в сером свитере, застиранном до полупрозрачности на локтях, и серых брюках, немного коротковатых, но чистых, со стрелками. Он подхватил тубус раньше, чем Елена успела наклониться.

— Извините, — сказал он и тут же, забыв договорить извинение, открутил крышку тубуса. — Цела? Не помялась?

Елена стояла на площадке между этажами, держа в руках посылку из дома: мать передала с оказией домашнее сливовое варенье, сладкое и тягучее, которое она любила не глотать сразу, а посасывать во рту, сидя над конспектами.

— Что не помялось?

— Да карта же. — Он вытряхнул из тубуса свёрнутый в трубку лист ватмана и, не спрашивая разрешения, расстелил его прямо на подоконнике лестничной клетки, придавив края локтями. — Вот, смотрите: здесь — Баренцево море. Видите, как течение заходит с запада и разворачивается? Не поверите, а оно тёплое: доходит сюда из Атлантики и согревает воду, мешает ей заледенеть...

Он говорил быстро и увлечённо, будто карта была живым существом, за которое стоило заступиться перед всем светом.

Елена поставила банку на подоконник рядом с картой и

наклонилась.

— А почему всё-таки море замерзает, если это течение тёплое? — спросила она.

Он поднял глаза от карты, вдруг увидел её внимательные и доверчивые глаза и забыл, что вообще-то куда-то бежал.

За Сашей неторопливо спустился по лестнице ещё один парень, Игорь, тоже светловолосый, высокий, в синих джинсах и кожаной куртке нараспашку, — и, взглянув на них двоих, склонившихся над Баренцевым морем, улыбнулся с доброй насмешкой:

— Ты опять знакомишь девушек с морскими течениями раньше, чем спрашиваешь, как их зовут?

И, уже обращаясь к Елене:

— А вас как зовут на самом деле? Не так, как ему уже успело послышаться.

Она не сразу поняла, что он имеет в виду. Только гораздо позже, вспоминая этот вечер, она поймёт, что этот человек, Игорь, уже с первой минуты как будто расслышал за её обычным, вежливым «Елена» что-то ещё, чему пока не было названия.

Так Елена познакомилась с Сашей и Игорем — студентами географического факультета. Саша был из тех, кто способен часами рассказывать о течениях в северных морях человеку, который об этом не спрашивал, но не умеет с той же лёгкостью объяснить преподавателю, почему опоздал на семинар.

Игорь был другим. Он выбрал престижную по тем временам кафедру экономической географии зарубежных стран — умный парень из провинциальной Авдеевки, после армии и рабфака вытащивший свой счастливый билет на конкурсе. Они с Сашей уже были второкурсниками геофака, ребятами, которые могли научить, поддержать и помочь вчерашним абитуриенткам.

Знакомство на лестнице постепенно переросло в дружбу. Рядом с ними Елене вдруг стало спокойно, особенно с Сашей. Своей увлечённостью океанологией он напоминал ей отца, влюблённого в физику. Саша не разглядывал её слишком пристально, не пытался угадать, что скрывается под её скользкой по губам улыбкой, — ему вполне хватало своих течений, карт и того, что рядом кто-то слушает, не перебивая. И он постепенно влюблялся в это тихое её присутствие. Это оказалось для неё неожиданно удобным: можно было и оставаться закрытой, не показывая свои истинные чувства, и всё равно не быть одной, чувствовать рядом мужское плечо.

Весна 1981 года раскрасила Воробьёвы горы и Ботанический сад университета яркими мазками цветов. Зацвела сирень и возле общаги на Ломоносовском, живущей в обычной советской тесноте: по четыре кровати в комнатах общежития, вечная очередь в душ на этаже и мокрое бельё, развешанное на батареях.

К весне Елена, Саша и Игорь были знакомы уже полгода и дружили той дружбой, что завязывается на общих кухнях,

где спорят обо всём до утра, потому что больше просто негде спорить.

Саша оставался всё тем же: неловким, увлечённым, не умеющим замечать полутона. Он мог часами объяснять Елене происхождение Эль-Ниньо или рассказывать про экспедицию, в которую мечтал попасть после диплома, и совершенно не замечал, что где-то на середине рассказа она успевала задуматься о чём-то своём и вернуться обратно, не потеряв нить только потому, что научилась кивать вовремя.

Но Игорь замечал такие вещи сразу.

Однажды на общей кухне, когда Елена упомянула недавно прочитанную книгу Франсуазы Саган и, начав рассказывать о своих мыслях о ней, заметила, что он слушает внимательнее, чем нужно для вежливости, сама себя оборвала: «Впрочем, неважно», — он посмотрел на неё поверх чайника и сказал:

— Ты всё важное заканчиваешь словом «неважно».

Она отшутилась. Но запомнила эти его слова.

С тех пор он видел и другое: она никогда не садилась на свободный стул первой, дожидаясь, пока его займут другие; она понижала голос, стоило в комнату войти кому-то уверенному в себе; она извинялась перед тем, как высказать мнение, будто заранее просила прощения за то, что оно у неё вообще есть. Однажды, когда он, постучав, быстро вошёл в их комнату, она не успела спрятать красный блокнот со своими стихами и переводами. И он заметил, задержал на нём

взгляд, но ничего не спросил.

Она внутренне понимала: Игорь видел её насквозь, мог прочесть в её глазах то, что она не хотела показывать никому, и это одновременно и притягивало Елену, и пугало её.

Она всё узнала про Игоря. У него была девушка Галя, москвичка, с квартирой родителей в Балашихе и с уверенностью человека, для которого город никогда не был чужим. С Галей ему было легко: она смеялась над его провинциальной осторожностью, таскала его в театры, знала Москву так, будто город был большой квартирой, где ей известна каждая дверь. Галя всегда знала, где достать билеты, где занять очередь, если в магазине «выбросят» дефицит, как разговаривать с комендантом. Она уже строила разговоры о будущем с ним так, будто оно было почти решённым делом: защитим дипломы, потом, возможно, поживём у её родителей, потом — остальное.

Игорь Гале хранил верность и изменять не собирался — это Елена видела. Видела и другое: Галя была для него не только любимой девушкой. Брак с москвичкой означал возможность остаться в Москве, ту самую жизнь, ради которой он прошёл армию, рабфак и конкурс. Однажды на кухне кто-то в шутку сказал об этом вслух, и Игорь не ответил, отвёл глаза, перевёл разговор на билеты в театр, и по тому, как торопливо он это сделал, Елена поняла: ему стыдно, что чувство к Гале и трезвый расчёт у него совпали так удобно.

Саши и Игорь дружили уже год, живя в одной комнате

в общаге, и дорожили этой негромкой дружбой. Однажды Саша, чинивший сломавшуюся у них внезапно настольную лампу, сказал другу неловко, по-мужски, глядя не на него, а на разобранные детали:

— Кажется, у меня с Леной серьёзно.

Игорь понял: пути назад для честного разговора больше нет, и принял тогда первое решение: не оставаться с Еленой наедине без крайней нужды. Оставалось надеяться, что случая для крайней нужды не представится.

Но этой надежде не суждено было сбыться.

* * *

Май 1981 года пришел в столицу теплыми дождями, нежной молодой зеленью и солнечным чувством, поселившимся в душе Елены: вся природа расцветает только для тебя. На первомайский пикник они поехали вчетвером: Елена, Саша, Игорь и Галя, везя с собой сумки с варёными яйцами, помидорами и огурцами, зеленью, банки кильки в томате и бутылки дешёвого крымского, купленные вскладчину. Там же лежали эмалированные кружки, алюминиевые ложки, несколько стаканов, завёрнутых в газету, салфетки и подстилки для пикника. Где-то в одной из сумок дребезжал транзисторный приёмник, а рядом с банками лежал складной нож с потемневшей деревянной ручкой. Специального консервного ножа у них не нашлось.

Место для пикника отыскиали в подмосковном лесу быстро. Сначала всё было весело. Саша, сидя на подходящем

большом валуне, тут же начал объяснять его происхождение, увлечённо рассказывая о какой-то ледниковой морене, о которой узнал из курса геологии. Галя беззлобно подшучивала над его серьёзностью. Игорь, выложив продукты и бутылки из сумок, нарезал овощи и хлеб, разложив их на газете, постеленной на старом пне.

Она заметила его хозяйственность раньше, чем обратила внимание, что замёрзла, сидя рядом с Сашей на огромном холодном валуне. А Игорь заметив, как она ёжится от свежего ветра, качавшего кроны обступивших их полянку деревьев, предложил:

— Надо бы разогреться! Лена, пойдём за хворостом.

Костёр из веток, найденных поблизости, не разжигался: отсыревшие после недавнего дождя ветки не занимались огнём. Саша с Галей остались накрывать стол для пикника, а Елена с Игорем пошли собирать сухие ветки. Это дело им нашлось само собой, без чьей-либо подсказки.

Лес был мокрый и тихий, пахнувший рыхлой землёй и мокрой корой. Голоса Саши и Гали быстро стихли за деревьями, и на какое-то время они с Игорем шли молча, и шорох их шагов по прошлогодней листве да птичье щебетание были единственными для них звуками в этом майском лесу.

— Послушай, на кого бы ты на самом деле хотела учиться, если бы не... ? — вдруг спросил он, не оборачиваясь, будто продолжал давно начатый разговор.

— Я и поступила, куда хотела, — ответила Елена привыч-

но.

Он ничего не ответил на это, но его взгляд сказал ей: «Не верю».

— На филологический, — призналась она вдруг, сама не понимая, зачем.

— Почему не пошла?

— Так получилось.

— Нет. Не пошла — сама, — сказал он тихо.

Она вдруг разозлилась. Не на Игоря — на слово «сама».

Они одновременно потянулись за одной длинной сухой веткой. Их руки встретились, его рука накрыла её пальцы, обхватившие ветку. Накрыла и держала их, будто согревая...

Игорь поднял глаза, тихо произнёс её имя и притянул к себе. Она мягко подалась к нему, запрокинув голову, и закрыла глаза в ожидании его губ.

Но объятие вышло без поцелуя и оказалось от этого только сильнее. Она запомнила его ладонь между лопаток, запах хвои и мокрой земли, тепло его тела сквозь тонкую ткань свитера и ощущение, что её не пытаются удержать или присвоить, что она стоит на собственных ногах и всё равно может на мгновение перестать себя защищать.

— Я всё время старался этого не делать, — сказал он ей в самое ухо.

— Тогда не надо, — ответила она, продолжая прижиматься к нему.

— Саша ждёт, — сказал он ещё через несколько секунд.

— Знаю, — ответила она.

Они простояли так ещё немного, прежде чем разжали руки и молча выбрали хворост, будто он всё это время и был единственной целью их прогулки.

* * *

Когда они вернулись к потухшему костру, то сразу поняли: что-то случилось.

Галя стояла на коленях перед Сашей. На земле — полуоткрытая банка кильки, нож с деревянной ручкой и мокрая от крови салфетка, уже насквозь пропитавшаяся. Такое же красно-бурое пятно темнело и на клетчатом пледе-подстилке.

При попытке вскрыть банку нож соскользнул и глубоко рассёк Саше ладонь между большим и указательным пальцами.

Тепло, которое ещё несколько минут назад оставалось между лопатками Елены от ладони Игоря, мгновенно исчезло. Перед ней была кровь.

— Руку выше, — сказала Елена. — Саша, смотри на меня.

Игорь быстро скинул куртку, рубашку, снял с себя белую майку, и резким движением разорвал ее по швам пополам. Разделив ткань майки на полосы, удобные для перевязки, он сложил их и туго прижал к ране, бинтуя раненую руку. Елена держала повреждённую руку поднятой, как учили в школе на уроках гражданской обороны, стараясь не смотреть слишком долго на то, как сквозь ткань повязки всё равно просту-

падет тёмное. Галя судорожно собирала разбросанные вещи в сумку.

Саша, бледнея, пытался пошутить:

— До свадьбы заживёт!

— Молчи, — велела ему Елена, и он послушно замолчал, опустив голову.

— Хоть консервы не выбрасывайте, — сказал он ещё, и от этой его заботы о брошенной банке кильки в томате ей стало так жаль его, что внутри что-то окончательно решилось. Что — она сама ещё не понимала.

До больницы добрались на попутном грузовике. Водитель, войдя в положение, сменил маршрут и довёз прямо до больницы скорой помощи. В приёмном покое пахло антисептиком и мокрой клеёнкой. Пожилой врач, выслушав их рассказ, укоризненно покачал головой: «Эх, молодость, молодость...», сделал противостолбнячный укол и, посмотрев рентген, сказал, что кость не задета, но, похоже, разрезано сухожилие и потребуется операция. Сашу оставили в больнице.

— Вы же будете приходить? — спросил он ещё в приёмном покое, глядя на обоих сразу — на Игоря и на Елену.

— Конечно, — ответили они одновременно.

* * *

Позже, на ступенях больницы, пока Галя отходила звонить родителям, Игорь сказал коротко:

— Он мне сегодня сказал про себя и тебя. До поездки.

— А в лесу?.. — спросила она.

— В лесу я об этом вспомнил.

Это было честнее, чем если бы он стал оправдываться.

— Мы ничего им не скажем, — сказала она наконец.

— Потому что он ранен?

— Не только.

— Из-за Гали?

— И из-за неё.

— А из-за меня? — спросила она вдруг, сама себе удивившись.

Он ответил не сразу.

— Именно из-за тебя — тоже.

Она могла бы в тот момент честно признаться в своих чувствах хотя бы себе самой. Но ответила Игорю так, как привыкла, как считала правильным:

— Саша сейчас не должен потерять ещё и нас.

Игорь молча посмотрел на неё и отвёл взгляд

* * *

Следующую неделю Елена ездила к Саше в больницу. Возила еду, ведь на больничном питании здоровый мужчина долго не протянет. Потом, когда Сашу выписали домой, она переписывала для него конспекты лекций его однокурсников, помогала застёгивать рубашку, жарила ему картошку на общей кухне. Игорь тоже помогал: договорился с преподавателями об отсрочке зачётов Саши, доставал конспекты, шутил, но ни разу больше не остался с Еленой наедине. Галя

заботилась о Саше наравне со всеми, но, будучи в их компании, демонстративно строила совместные с Игорем планы на лето — и, кажется, ни о чём не догадывалась...

Шрам между большим и указательным пальцами остался у Саши бледной полосой, которая белела, когда он сжимал кулак, и наливалась розовым от горячей воды. Елена помогала ему разрабатывать кисть, и эта близость с ним была совсем не той, что в лесу, с Игорем: там она была желанной женщиной, здесь — необходимой. Саша смотрел на неё с любовью и благодарностью, и она платила ему в ответ нежностью, похожей на любовь, и долго, очень долго не различала разницы.

Они расписались в Гагаринском загсе через три года, весной 1984-го. Когда Саша повреждённой рукой ставил свою подпись в книге, шрам натянулся между пальцами, и Елена, глядя на это движение, подумала: «Я ведь не могла его тогда бросить». Эта мысль прошла настолько тихо, что сама Елена её почти не заметила.

Игорь и Галя были среди немногочисленных гостей. Отец на свадьбу так и не приехал. Сослался на работу. Действительно ли он был занят, Елена так никогда и не узнала. Его стул так и остался пустым на свадебной фотографии, где она, немного грустная, стояла во взятом напрокат платье рядом с мужем Сашей. Поздравляя молодых, Игорь на секунду задержал руку Елены в своей. Рукопожатие вышло коротким и совершенно официальным, без единого намёка на майский

лес, ветку и ладонь между лопаток.

К рождению Ивана Елена уже почти не вспоминала лес и ветку, за которую они с Игорем взялись одновременно. Зато шрам на Сашиной ладони видела каждый день: он белел, когда Саша осторожно держал новорождённого сына Ивана, и краснел от слишком горячей воды, которой Саша мыл бутылочки и стирал пелёнки.

В конце первой недели после своего рождения Иван заболел. Грудное молоко фонтаном выходило из него сразу после кормления. И вскоре она узнала это странное страшное слово: «пилоростеноз».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.